

УДК 101.3

В.Н. Самченко

ПОНЯТИЕ ПРАКТИКИ В ФИЛОСОФИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В статье рассмотрена категория практики, одна из центральных в философии последних столетий, которая восходит к введенному И.В. Гёте понятию дела, но получает разные интерпретации в буржуазной и в марксистской идеологии.

Ключевые слова: дело, практика, действие, деятельность, преобразование, приспособление.

V.N. Samchenko

THE CONCEPT OF PRACTICE OF PHILOSOPHY NEW AND THE NEWEST TIME

The category of practice is one of central categories in philosophy of last centuries, goes back to I.V. Goethe the concept of business, but receives different interpretations in bourgeois and Marxist ideology.

Key words: business, practice, action, activity, transformation, the adaptation.

Среди делений нашей науки по ее предмету одним из самых древних является разделение философии на теоретическую и практическую. Однако вплоть до XIX века в роли практической философии выступала только этика: еще И. Кант отождествлял два эти понятия. Ситуация стала меняться благодаря промышленной революции конца XVIII и начала XIX веков. Только она обеспечила тот уровень динамизма хозяйственной и политической жизни, когда они переместились в центр практических интересов человека и общества. С этого периода и философия ставит в центр своих интересов уже не теорию познания, а осмысление *практики* в несравненно более широком, чем прежде, значении этого слова.

Известно, что уже И. Кант в последние десятилетия своей деятельности признал превосходство практического разума над разумом «чистым», т.е. над теоретическим разумом, а затем выдвинул на первый план способность суждения, тоже включающую практический аспект. Затем его ученик И.Г. Фихте, в соответствии со своей установкой на творение мира мировым духом человечества, ставил практику впереди, а в

некотором смысле и выше мышления. Далее Ф.В. Шеллинг выражал ту же тенденцию мысли через предпочтение эстетически-творческого начала. Всё это, однако, еще смутные и наполовину бессознательные ответы на запросы своего времени.

В отличие от них, Гегель уже признавал определяющую роль повседневной, и особенно – политической практики как всеобщей формы деятельности людей и как критерия истины в познании [см. 1, с. 290 и др.]. Тут сказались, конечно, дальнейшее развитие общества (хотя Гегель по возрасту старше Шеллинга) и дальнейшее развитие мысли, поскольку Гегель опирался уже на платформу, созданную его младшим, но раньше созревшим другом Й.В.Ф. Шеллингом. Но мы хотим обратить внимание на ту скрытую, однако существенную роль, которую сыграл в этом прогрессе мысли старший современник и также личный друг Гегеля, великий немецкий писатель и ученый И.В. Гёте.

Заглавный персонаж стихотворной трагедии Гёте «Фауст» решил якобы перевести на немецкий язык первую строку Евангелия от Иоанна «В начале было Слово» строкой «В начале было Дело» [2]. При этом он использовал существительное *die Tat*, что по-русски может означать действие, создание, а иногда также факт (лат. *factum* буквально означает *сделанное*). Известно, что на такой ход мыслей повлияло общение молодого Гёте с И. Гердером, который заметил неточность перевода данного текста М. Лютером, употребившим немецкое существительное *das Wort* – слово. Это могло быть сказано и о другом авторитетном, но уже англоязычном переводе данного места – в т.н. Библии короля Якова (1611): там употребляется практически тот же германский термин *the Word* – слово. Да и в латинской Вульгате, по которой с XVI в. служат католики, на этом месте стоит *Verbum* – лат. Слово, Глагол.

Но в оригинальном греческом тексте Евангелия тут употреблено весьма емкое и многозначное слово *Логос*. Специалисты насчитывают в нем до 34 значений. Основные из них – просто слово, а также учение, понятие, общий рациональный закон бытия (последнее значение восходит к Гераклиту). Наконец, христианство, особенно раннее, отождествляет Логос с Христом как сыном Божьим, который от века порожден не телесным порядком, а как в устах говорящего рождается слово, несущее его мысль (для христиан совокупность этих мыслей есть Дух Святой). В латинской и в германоязычной речи, как и в речи русской, подобного слова нет. Переводя «Логос» понятием «Слово», именно с большой буквы, переводчики заведомо рассчитывали не на буквальное понимание слов, а на учет читающими традиций осмысления данного текста.

У реального Иоганна Фауста, жившего в XV–XVI вв., такой проблемы не могло еще быть: он просто помнил традицию и подставлял соответствующие смыслы. Сама эта проблема есть плод промышленной революции, иначе расставившей смысловые акценты. Поэтому указанное

якобы затруднение литературного Генриха Фауста и этот гётевский поиск нового перевода вовсе не случайны. И не случайно Гёте отвергает такие варианты перевода, как «Мысль» и «Сила». Ведь не мысль, в значении *общей идеи*, и не насилие как таковое определяют исторический путь человечества в данную эпоху. Хотя интенсивность этих факторов здесь даже возрастает (расцвет немецкой классической философии, наполеоновские войны и т.д.), однако они сдвигаются на задний план и становятся следствием и орудием утверждения иного начала. В первом приближении это начало можно назвать *деловой активностью*.

Оправдан даже скрытый в таком словосочетании элемент плеоназма (лат. *actus* означает *действие*). Ведь это именно дело ради дела, деятельность, прежде всего направленная на развитие самой деятельности, т. е. – развитие себя самой, например, через накопление промышленностью постоянного и оборотного капитала. По-английски тут наряду со словом *Affair* можно употребить и слово *Business*. В то же время с позиций будущего развития термин «дело» еще синкретичен, он допускает дифференциацию, а со временем, как мы убедимся, действительно ее потребует. Причем логика такой дифференциации уже намечена неоднозначностью немецкого слова *die Tat*. Оно – как бы законный наследник «Логоса» на данном историческом этапе. В этом смысле выбор Гёте стал достойным проявлением его большого мыслительного таланта и незаурядной художественной чуткости.

Насколько нам известно, сам Гегель данной фразы Гёте не повторял. Это не удивительно: ведь при заявлении от первого лица она звучала бы как явная и вызывающая ересь; Гегель, к тому же, был человек житейски осторожный. Однако нет сомнений, что эта идея Гёте была ему хорошо известна. Гёте начал сочинять своего «Фауста» еще в 70-е гг. XVIII в., а в 1808 г. его первая часть была уже полностью опубликована. Гегель же состоял с Гёте в переписке с 1804 по 1827 г., а дружеские отношения между ними возникли еще раньше. Независимо от того, насколько признавал это сам Гегель, рассматриваемая идея Гёте не могла не повлиять на него.

Однако сам Гегель, как и его предшественники в философии, употребляет в той же функции слово *практика* (нем. *die Praxis*). Это почти синоним «дела»: в основе тут греч. *praktikos* – деятельный, активный. И слово это является столь же неоднозначным, имея примерно те же перспективы дифференциации. Причем в философской традиции, начиная с Аристотеля, противопоставляются *praxis* и *poesis* как созидание материальное и созидание духовное соответственно.

У Гегеля практика представлена (не без влияния также Фихте) как нечто первичное в отношении к *человеческому* сознанию, особенно – к сознанию основной массы индивидов. Однако – еще не к сознанию *вообще*, ибо, по Гегелю, практика есть «дело (абсолютной. – В. С.) идеи»,

т.е. дело некоего высшего сознания. Такая идея (в сущности – единый бог), по убеждению Гегеля, творит и осуществляет все сущее в мире. Поэтому тут еще не приходится говорить о различении видов *praxis'a* (всегда чувственно-материального) отдельно от *poesis'a*, в роли которого выступает мыслительная активность абсолютной идеи.

Можно сказать, что первый, еще робкий и бессознательный шаг к такому различению совершает учение позитивизма (от лат. *positivus* – положительный). По существу позитивизм остается на почве старой познавательной ориентации, свойственной натурфилософии Нового времени, однако с уклоном к односторонне приспособительной трактовке целей познания. Этот уклон сказался в почти религиозном культе *факта*, понимаемого как чувственно зафиксированная внешняя реальность. Данный культ является общим для всех поколений позитивистов. А понятие «факт» является, напомним, одним из возможных (хотя второплановых) значений немецкого *die Tat*.

В полной мере новая практическая ориентация философии утверждается в учении марксизма и в т. н. антропологической (неклассической гуманитарной) философии. При этом, однако, дело-практика понимается по-разному. Буржуазная антропологическая философия продолжает и развивает приспособительную тенденцию позитивизма. Она трактует «дело» в смысле активного освоения субъектом наличных условий его бытия, ради устройства частного (не обязательно индивидуального) благополучия субъекта. Лишь сознательный характер позволяет отличить такую практику от приспособительной активности животных. Данный подход наиболее выделяет из немецкого слова *die Tat* значение «действие» и нередко трактуется его же сторонниками как (просто) *деятельностный*, с претензией противопоставить его марксистской традиции.

Заметим попутно, что некоторые отечественные философы, проповедовавшие в советские годы «деятельностный подход», интуитивно сознавали свою близость к буржуазной идеологии. Но вряд ли они отдавали себе полный отчет о действительном соотношении понятий деятельности и практики, нередко замещая одно другим. В сфере методологии это было характерно для школы (т.н. московского кружка) Г.П. Щедровицкого. С тем же подходом связаны выделение и разработка в данной школе «проектировочного мышления», главный смысл которого – в «привязке» известных общих идей и установок к решению конкретной задачи [см., напр. 7]. Критики данной школы тоже действовали в нашем аспекте не вполне сознательно, но общий дух советской философии неизбежно выталкивал ее на обочину тогдашней интеллектуальной жизни.

Полное оформление данный приспособительный подход получает в философии *прагматизма*, нашедшей для него и подходящий термин

прагма – греч. *дело, действие*. Заметим попутно, что все эти направления не отвергают вообще религии, однако ставят ее в приниженное положение. В частности, прагматизм считает религиозность функцией социальной либо личной полезности и допускает ее отвержение, когда она по тем или иным обстоятельствам становится бесполезной либо вредной для субъекта. Одну из причин такого принижения можно усмотреть в действительно отсталой трактовке исходных идей Евангелия от Иоанна во всех ныне принятых у христиан переводах Библии на живые языки. Этому вполне соответствует хотя и важная, но подчиненная роль Церкви в передовых индустриальных странах современности.

Марксизм же претендовал полностью преодолеть религиозное начало. В понятии дела и в понятии практики он выделял аспект созидания *нового* деятельностью самих людей, объединенных в общество. Другими словами, практика в ее человеческой специфике трактуется как существенное целенаправленное преобразование действительности людьми. Основную и регулярную форму такой практики марксизм усматривал в труде и в производительной активности в целом, а в социально-историческом плане он характеризовал такую деятельность как *революционную практику*. Марксизм также впервые сделал практику одной из центральных философских категорий. Практику как таковую, а не те или иные свойства человеческой природы, К. Маркс считал материальной основой общественной жизни.

Именно марксизм фактически ввел представление о практике как об особой форме бытия материи, хотя предпосылка к этому была у Гегеля (он уже говорил о двух формах объективного процесса – природе и целеполагающей деятельности человека). Но деятельность – вид *движения*; и в марксизме практика фактически представлена как особая, высшая форма движения. В классификации форм движения, по Ф. Энгельсу, она называется *социальной* формой. Заметим, что трактовки практики как формы бытия материи и как формы движения не противоречат друг другу. В современной диалектической философии, учитывающей такие феномены, как физический вакуум и квантовые явления, материя больше не приравнивается к веществу, и движение трактуется не как атрибут материи, а как одна из сторон материи наряду с веществом.

Не случайно именно на почве марксизма впервые возникла социальная философия (сначала под названием «исторический материализм»). Это одна из самых молодых дисциплин в философии и она, на наш взгляд, еще не является вполне созревшей. Однако она логически восполняет набор основных дисциплин, обусловленный решением центральной проблемы мировоззрения – об отношении мышления и бытия. Изучением мышления как такового занимается логика, бытия как такового – онтология, отражением бытия в мышлении – теория познания. Но ведь есть еще отражение мышления в бытии, т.е. целенаправленная

преобразовательная деятельность человека (и не только коллективная). Должна быть и соответствующая философская дисциплина. Поскольку предмет ее именуется практикой, то в зрелом виде она, вероятно, выйдет за пределы социологии и будет называться *праксеологией*.

Главный недостаток прежнего материализма К. Маркс видел в незнании им диалектики и в связанном с этим непонимании роли практики в познании мира и в жизни общества. Однако самой марксистской философии, даже в ее классическом виде, присущи значительные несовершенства в развитии диалектики. Это обусловлено как обычными историческими обстоятельствами (любое новое несовершенно при своем возникновении), так и особенно – односторонней политической ориентацией марксизма на социальные интересы пролетариата. Такая ориентация усилилась в годы государственного социализма, что привело уже к существенным извращениям философской науки. Известно, в частности, что И. Сталин пытался удалить из философии марксизма один из центральных законов диалектики – закон отрицания отрицания. Коснулись такие извращения и интересующего нас вопроса.

В советское время были попытки заменить практику, в ее роли материальной основы общества, т.н. *базисом*, т.е. экономическими производственными отношениями в обществе. Это представлено, в частности, работами таких ведущих отечественных специалистов того времени, как В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон [см., напр., 3]. Вообще говоря, здесь мы видим одно из проявлений вульгарно-социологического уклона, присущего марксизму в целом и особенно марксизму советской эпохи. Но вопрос действительно непростой. Ведь практика – деятельность сознательная, а не стихийно-материальная. Как же тогда практика может претендовать на роль *материальной* основы чего-либо?..

Положительный ответ можно дать только при существенной опоре на диалектическую методологию познания. Она, как известно, ориентирует на выявление в сложных феноменах главного, ведущего аспекта. В практике есть как идеальная, так и материальная сторона; но *главное* в ней то, что практика является чувственной деятельностью по преобразованию материального мира. Соответственно, она протекает по *объективным* законам взаимодействия наших органов чувств и орудий с материальными предметами. Сами разумные способы деятельности в их основной массе являются отражением данных законов. Поэтому практика есть все же, в конечном счете, материальный процесс.

Другой видный деятель советской философии, многолетний глава Института философии (АН СССР и затем АН России) В.С. Стёпин, известен широко признанным в советской и в современной отечественной литературе учением об этапах развития научной рациональности. В част-

ности, он писал: «Классический тип рациональности центрирует внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и к средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности... Наконец, постнеклассическая рациональность учитывает (якобы. – В. С.) соотносительность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности» [5, с. 18; ср. 6, с. 160–166].

Но идея подчинения научной истины (либо поиска истины) «ценностно-целевым структурам деятельности» общества носит прямо реакционный характер и отражает еще не преодоленную тоталитарную наклонность отечественного менталитета. Ведь с этой точки зрения права была инквизиция, осудившая Дж. Бруно к сожжению на костре, ибо его идеи действительно противоречили господствовавшим тогда «ценностно-целевым структурам». Можно усмотреть разные истоки этого заблуждения, и среди них – непонимание роли практики как высшего критерия *объективной* истины. Если мы включаем производство в практику как ее фундаментальный элемент, то очевидно, что практика в целом может быть успешной лишь при опоре на объективную истину, а субъективные иллюзии неизбежно ведут ее к провалу. У Стёпина, наоборот, на первом плане оказывается некая «истина» субъективного порядка, точнее выражаясь – прагматическая *полезность* данного учения для интересов некоторого общественного субъекта. Уже сама спутанность понятий истины и полезности ставит такую концепцию вне науки.

Пользуясь случаем, мы дополнительно поясним превосходство критерия практики сравнительно с другими критериями истины, которые предлагались разными философскими направлениями. Ведь в этом вопросе и современные философы, в т.ч. отечественные, нередко обнаруживают недостаток понимания. Гегель отмечал, что практическая «идея выше идеи... познания, ибо она обладает достоинством не только всеобщего, но также и безоговорочно действительного» [1, с. 290]. Как часто бывает у Гегеля, мысль здесь выражена в туманной форме, однако по себе глубока. Поясняя ее в процессе конспектирования, В.И. Ленин писал: «Практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и (достоинство. – В.С.) непосредственной действительности» [4, с. 195].

Суть этой идеи в том, что практическое преобразование действительности опирается на знание общего характера – знание о сущности вещей, а результат этого преобразования доступен непосредственной чувственной проверке. Зная, что сущность воды можно представить химической формулой H_2O , мы можем в рациональном мышлении поста-

вить разные задачи: от гашения водой пламени пожара до получения из воды двух газов, один из которых бурно горит, а второй – активно поддерживает горение. При этом результат можно проверить *чувственно*, например попробовать спичкой или применить газоанализатор. Таким образом, здесь работает и рационалистический критерий когеренции, и эмпирический критерий установления факта через ощущения.

Наконец, тут работает и критерий общественного признания, который релятивисты считают высшим критерием истины, так как не признают ничего общего в самой объективной действительности. Ведь вряд ли найдется душевно здоровый человек, который, зная о получении водорода и кислорода из воды в промышленных масштабах в соответствии с расчетами, усомнился бы в химической формуле воды, на которой эти расчеты основаны. Таким образом, здесь фактически учтены все известные в философии критерии истины. Конечно, диалектика не признает абсолютов, и критерий практики не абсолютен в силу того, что развитие самой практики всегда исторически ограничено. Но он принципиально снимает и превосходит все другие когда-либо предлагавшиеся критерии истины.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. – М., 1929–1958. – Т. VI.
2. Гёте И.В. Фауст. – Ч. I. Сцена в рабочей комнате Фауста. – М., 1960.
3. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. – М., 1989.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М., 1958–1965. – Т. 29.
5. Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии.* – 1989. – № 10.
6. Стёпин В.С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // *Ценностные аспекты развития науки.* – М., 1990.
7. Щедровицкий Г.Л. Философия. Наука. Методология. – М., 1997.

